

— Ленинград, 18 декабря 1978 г.

Дорогой Сашок!

— Высылаю, наконец, ранее написанные листки. Угораздило же меня заболеть. В такую жаркую пору. До конца сессии осталось 10 дней, за которые мне надо сдать ещё 4 экзамена, принять 2, не считая всяких заседаний, протоколов и проч. общественной суеты.

— Сегодня скинул Церковную Археологию. Вопросы попались лёгкие: 1) История изображений Креста; 2) фрески и мозаики св. Софии Киевской; 3) "Троица" Андрея Рублёва.

— Завтра праздник св. Николая. Со всенощной и литургией ещё почти два дня выпадает. Но всё-таки лучше отболеть и помучиться сейчас, чем на Рождество. К Новому Году всех студентов распускают на каникулы до Крещения. Но я в числе других 10-ти человек оставлен на Рождество в нашем академическом храме в качестве певца. Я рад этому, т.к. очень люблю рождественскую музыку. Она вся как яркие шарики и звёзды на украшенной ёлке.

— К тому же отдыхать всё равно некогда. С Нового года надо приступать к диплому. Да ещё до лета надо постараться написать учебник по Основному богословию для 4-го класса (противный: там всякие буддизмы да конфуцианства. При всём моём уважении к ним - все они всё-таки невыносимо скучны).

— Всего хорошего, Дима.

— Ленинград, 7 декабря 1978 г. (задержанное письмо)

Дорогой Сашок!

— Немного отступаю от темы. Мне пришло в голову, что тебе может показаться противоречивым: с одной стороны говорится, что в самой эмпирической жизни человек ровным счётом ничего не может сделать такого, что осмыслило бы жизнь, что требуется "отречение от мира" ("Царство Моё не от мира сего", "не любите мира и того, что в мире", нельзя служить сразу двум господам: Богу и маммоне и т.п.). С другой стороны я произношу уже известный тебе доклад о служении Церкви миру. Здесь нет противоречия. Дело не может осмыслить жизни, но обрётённый Смысл осмысляет и дело. Только прежде надо обрести этот Смысл (в Евангелиях - Царство Небесное, жемчужина, сокровище на поле и т.п. образы). Для этого надо отречься от бессмыслицы мира (в Евангелиях - отдать и раздать всё, продать все остальные жемчужины и т.д.). Тогда смысл осветит и твои дела (закваска заквасит три меры муки, горчичное зерно вырастет в дерево и т.п.).

— Отречение же (покинуть мать и жену и детей) - прежде всего. Помнится, Равич писал, что для него это предельно неприемлемое в христианстве, - жить для Бога и в Боге. Это бесчеловечно и отвратительно, - писал он. "Для людей и с людьми", - это гуманно и понятно.

— В общем-то больше туманно, чем гуманно. Эта точка зрения и примитивна и бессмысленна в своей тривиальности. Но, оставя Равича в покое, как всё же Церковь относится к мирскому деланию? Ты как-то спрашивал об этом: "кому служить, кого ценить?" или что-то вроде этого.

— Ответ приблизительно таков:

— Человек по своей природе принадлежит к двум мирам - к Богу и к миру; его сердце есть точка скрещения двух этих сил. Он не может служить двум этим силам сразу, и должен иметь только одного господина - Бога. Но Бог есть и Творец мира, и через Бога и в Боге оправдан и мир (теодицея есть в то же время космодицея).

— Кто может отречься всецело от мира, от всего того в мире, что не согласуется с Богом и не божественно, и идти прямо к Богу - тот поступает правильно, кратчайшим и вернейшим путём обретает оправдание и смысл своей жизни. Таков путь отшельников и подвижников (о них как-нибудь ещё поговорим).

— Но кому это не дано, у того иное предназначение: он вынужден идти к Богу и осуществлять спасение сразу двумя путями: пытаться по мере сил неуклонно прямо идти к Богу и вместе с тем идти к нему через переработку и совершенствование мирских сил в себе и вокруг себя, через приспособление их к служению Богу. Таков путь мирянина. Тут правомерно возникает та двойственность, в силу которой отречение от мира должно сочетаться с любовным соучастием в нём.

— Существует истинное и ложное отречение от мира. Истинное - в действительном подавлении в себе мирских страстей, в свободе, в ясном усмотрении призрачности мирских благ как таковых. Ложное - в фактическом пользовании жизненными благами, в рабстве миру и в то же время в желании не соучаствовать в жизни мира и наружно не соприкасаться с его греховностью.

— При таком мнимом отречении человек, стараясь воздерживаться от грехов мира, но пользуясь его благами, грешит много больше, чем тот, кто, участвуя в мире и обременяя себя его греховностью, стремится в самом этом соучастии к конечному преодолению греховности.

— Так война есть зло и грех. И монах прав, воздерживаясь от соучастия в ней; но он прав потому, что он никогда не использует плодов войны, что ему не нужно и само государство, ведущее войну, и всё, что человеку государство даёт. Кто же готов воспользоваться её плодами, кто нуждается в государстве, тот и несёт ответственность за его судьбу. И греша вместе с государством, менее грешит, чем когда умывает руки и сваливает грех на другого.

— Половая любовь несовершенно. Девственность - совершенное состояние человека, подлинно ведущее его к Богу. Но, по слову Апостола, лучше жениться, чем разжигаться, и потому брак есть мирской путь очищения.

— Забота о пропитании, об одежде - есть выражение человеческой слабости и неверия, от неё истинно свободен тот, кто подобно Серафиму Саровскому может питаться полевой травой. Каждый из нас в меру сил должен освобождаться от этой заботы. Но поскольку мы не свободны от неё, трудолюбие лучше безделья, и заботливый семьянин меньше грешит, чем эгоист, равнодушный к нужде близких.

— Насилие над людьми, принудительная борьба даже с преступником - грех и выражение нашей слабости. Но истинно свободен от этого греха не тот, кто равнодушно смотрит на преступление, а тот, кто (подобно тому же Серафиму) в состоянии силою Божьего света просветить злую волю и остановить преступника. Всякий иной меньше грешит, применяя насилие к преступнику, чем умывая руки перед лицом преступления.

— Вообще говоря, нужно помнить, что человек свободен от мирского труда и борьбы только в том случае, если он в своей духовной жизни осуществляет ещё более тяжкий труд, ведёт ещё более трудную и опасную борьбу. Как благодать не отменяет закона, но его восполняет, так что имеет право не думать о законе лишь тот, кто благодатно осуществит больше, чем требует закон, - так и от нравственных обязательств, налагаемых самим фактом нашего участия в жизни, свободен лишь тот, кто сам на себя налагает обязанности ещё тягчайшие.

— Вот в общих чертах позиция Церкви в вопросе о "мирском делании". По-моему, это и гуманно и осмысленно.

— Что до "любви к людям", не имеющей очевидного оправдания в Боге, то пустое всё

это, бессодержательная демагогия, ширмочка для прикрытия выколоченного мозга и вытряхнутого сердца.

— Не припомню ни одного, ни единого этического учения, где говорилось бы просто о "любви к людям". Да и не учение это было бы, а глупость сплошная.

— Христос учит о любви к людям ради Бога. Индия учит о любви ко всякой твари во имя кармической справедливости. Будда учит о любви, как аскетическом подвиге, ради преодоления самости и просветления сансары. Платон учит об эресе примерно в индийском смысле. Здесь везде любовь получает оправдание, предпочтительно абсолютное. Ибо иначе неизбежен вопрос: А ради чего это я должен их любить?

— В противоположность тебе я сказал бы (если абстрактно разделить заповедь о любви к Богу и ближним на две половины): Что такое любить Бога, - это мне понятно: это приблизительно то же, что любить себя. Но что такое любить людей, во всяком случае тех, которых я терпеть не могу, - это мне совершенно непонятно.

— Да и где это мы встретим таких человеколюбцев? Чистая абстракция. Я смотрю на людей, населяющих дом, где я живу. На мою соседку. Всем им такое "гуманное" учение совершенно чуждо. И совершенно справедливо.

— Даже ветхозаветный закон "око за око, зуб за зуб" недостижим для них в своей духовной высоте. Ибо он опирается на знание реальной (а не абстрактной) меры и справедливого мздовоздаяния, что возможно только в религии. Их мировоззрение гораздо более примитивно и совершенно трезво в своей примитивности: надо заботиться о том, кто тебе нужен, не обращать внимания на тех, кто тебе не нужен, и всеми силами вредить тем, кто тебе не нравится или мешает. Причём не "око за око", а "два ока за одно", не "зуб за зуб", а "обе челюсти за один зуб", а ещё лучше, если бы врага можно было сожрать с потрохами прежде, нежели он тебе выбьет око или зуб. Это совершенно нормально и понятно.

— Зато звучит! "Любить людей!" По-пионерски ярко. Основываясь на этой пышной демагогии можно было утверждать, что христианство, требующее отречения от мира - человеконенавистническая идеология. Так и сейчас многие полагают.

— Во внерелигиозной среде бытует множество подобных пустых, бессодержательных лозунгов.

— Чего стоит, например, яркая фраза: "В здоровом теле здоровый дух"? Эта фраза взята из "Сатир" Ювенала. Только там она звучит в контексте так: "Следует молиться богам, чтобы в здоровое тело они послали здоровый дух". Здесь всё рассудочно просто. Желательное состояние человека - телесное и душевное здоровье. Так часто мы наблюдаем противоположное. Параноики, шизофреники, да и просто дубины так часто имеют здоровущее тело. Вот если бы всё это привести в гармонию!

— Достаточно разорвать фразу пополам, вместо сослагательного наклонения поставить изъявительное, и получится абракадабра, ничем не подкрепляемая, но зато яркая и демагогичная, как демагогична всякая мишура и искусственные блёстки.

— Таких примеров можно привести множество. Любопытно, что вся эта чушь с "гуманностью" и проч. появилась не ранее как лет 200 назад. Сначала малоприметным образом, как следствие пренебрежения к метафизике и постепенного усыхания мозгов. Затем эта чушь начала вовсю шумно хлопать, как мельница, крыльями по ветру. Это уже как следствие безбожия и усыхания сердец.

— Ну ладно, мне завтра сдавать Историю Протестантизма и экумены. Займусь своим Лютером и Кальвином. А сегодня, как на зло, ещё лекцию по логике надо прочесть. Хочу предложить студентам перевести на математический язык "пари Паскаля" о вере в Бога. Пусть сидят и решают. А я тем временем буду о Лютере читать.

— Всего хорошего, целую, Дима.

— Экзамен сдал, лекцию прочёл, пари Паскаля разрешено. Следующий экзамен будет плёвый: История славянских стран. Можно побездельничать.

— Ленинград, 9 декабря 1978 г.

Дорогой Сашок!

Я продолжу наши размышления о спасении. (Если хорошо вспомню, что я писал в прежних письмах. А для этого сейчас кратко повторюсь:)

—1) Под "спасением" мы поняли жизнь в предельном благе, иначе говоря, жизнь оправданную, осмысленно устремлённую к абсолютному благу, о котором уже нет смысла спрашивать: зачем оно.

—2) Будучи абсолютной вершиной, целью нашей жизни, это благо должно быть именно в силу своей абсолютности и основанием нашей жизни.

—3) Абсолютность блага необходимо потребовала приписать ему и такие свойства, как вечность (нетленность) (что, разумеется, - и тебе, как физику это ясно, - не означает, что благо это должно "длиться" во времени от минус до плюс бесконечности; здесь под вечностью мы понимаем именно качественную противопоставленность любой "длительности", в том числе гипотетической от минус до плюс бесконечности), далее совершенное единство объективности и субъективности и, наконец, совершенную разумность. Объективность и вечность блага в совокупности указывают на его трансцендентность всякой эмпирии. Субъективная неотъемлемость от моей жизни говорит о том, что это благо должно быть предельно имманентно моей жизни, быть самой жизнью, живым благом. Наконец, абсолютная разумность этого блага говорит о его "озаряющей" мой разум "очевидности": не я должен осмысливать его, а оно само должно стать моим смыслом. Последнее в традиционном языке метафизики называется просто Абсолютным Смыслом, или Словом, или по-гречески, Логосом, или Истиной.

—Т.о. "спасение" должно быть тождеством нашего пути к истинной жизни, жизни как пути к истине и истины, озаряющей наш жизненный путь. "Путь $\equiv$ Жизнь $\equiv$ Истина". Таков гипотетический смысл нашей эмпирической жизни.

Ты, конечно, понимаешь, что все эти условия гипотетического спасения даны (пока хотя бы чисто формально, словесно) в христианстве. И вне христианства нет ни одной религии или мировоззрения, которые удовлетворяли бы условиям моей причастности к Абсолюту.

Стремление найти иной путь спасения, не удовлетворяющий хотя бы одному из этих условий, не обосновано. "Спасителей" было множество. Но все эти "спасители" человечества (мессии, христы) были лжеспасителями, лжехристами, нуждавшимися в собственном спасении. В Новом Завете много говорится о том, что с необходимостью будут появляться "лже-пророки и лжехристи". И верующие предупреждаются от соблазна. "Если вам скажут: вот Христос здесь, или вот он - там, в пустыне, в запертой, потаённой комнате (читай: в Ясной Поляне, в институте социальных исследований, в пещере Гималаев), - не верьте и не идите к нему навстречу", - все они предтечи Антихриста, сбивающие с толку, наводящие тень на плетень. Ибо что бы человек не делал в своей жизни: занимался бы построением земного рая, нравственным самоулучшением, становился бы вверх ногами в йогические асаны или телепатически выявлял своё астральное и ментальное тело, - из эмпирического болота собственными эмпирическими силами он себя за эмпирические волосы не вытянет.

Это не постулат. Это аксиома, как дважды два. И всё, что мы вывели элементарным логическим путём, формально безукоризненно и признаётся всяким мыслящим человеком. Но от гипотетического смысла жизни (или Бога) до реального смысла жизни (или Бога) путь слишком далёк, если вообще проходим. Так что размышления об

Абсолюте реальной пользы нам не принесли. Бесмыслица есть, а Бога нет (раз нет в нас, значит нет и вообще: иначе что же это за Бог?).

— "Суета сует, сказал Екклезиаст, суета сует - всё суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем? Участь сынов человеческих и участь животных - участь одна; как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом: потому что всё - суета! И ублажил я мёртвых, которые давно умерли, более живых, которые живут доселе; а блаженнее обоих тот, кто ещё не существовал, кто не видал злых дел, какие делаются под солнцем. И обратился я, и видел под солнцем, что не проворным достаётся успешный бег, не храбрым - победа, не мудрым - хлеб, и не у разумных богатство, и не искусным благорасположение, но время и случаи для всех их".

— Как не объясняй эту мрачную мудрость Соломона условиями товарно-денежных отношений в древнем Израиле, ясно, что эта мудрость - именно мудрость, а вера в прогресс - именно глупость, глупость, которая в изображении того же Соломона, как "баба безрассудная, шумливая, глупая и ничего незнающая, садится у дверей дома своего на стуле, на возвышенных местах города, чтобы звать проходящих дорогою, идущих прямо своими путями: "кто глуп, обратись сюда". Поистине, надо очень твёрдо верить в абсолютную ценность внешних технических усовершенствовании - сверхзвуковых лайнеров, спутников, нейтронных бомб, синтетической шерсти и стиральных машин - чтобы разделять веру в непрерывное совершенствование жизни.

— Куда бы мы ни кинули наш взор, - поскольку мы стараемся честно постигнуть данное нам эмпирическое существо жизни, - всюду мы убеждаемся в её роковой бессмыслице. Мы видели условия достижения смысла жизни: 1) существование Бога, как абсолютного Блага, вечной Жизни и вечного света Истины, и 2) божественность человека, возможность для него приобщиться к этой истинной божественной жизни.

— Но мир не есть Бог, и его жизнь - не божественная жизнь; противоположное утверждение пантеизма может разве что отвлечённо соблазнить кого-либо: в живом опыте мы слишком ясно сознаём несовпадение того и другого. В мире царит смерть. И если таков мир, - вправе ли мы, исходя из него, умозаключать о существовании Бога? Сомнительно. Как бы мы ни восхищались стройностью и грандиозностью мироздания, красотой живых существ в нём, - одна наличность страданий, зла и тленности в нём противоречит его божественности и не позволяет нам в нём (как он дан) усмотреть решающее свидетельство о всеблагое, всеведущем и всемогущем Творце. Макс Шеллер как-то сказал: "если бы мы должны были от познания мира умозаключить к существованию Бога, то наличие в мире хотя бы одного червя, извивающегося от боли, было бы уже решающим противопоказанием".

— Дилемма: Рассматривая эмпирический мир, - одно из двух: или Бога нет (и мир есть творение слепой бессмысленной силы), или же Бог есть, но тогда Он не всемогущ и не есть Творец и Промыслитель мира. Первый вывод делает материализм. Второй (с различными оттенками) - дуалисты, гностики и деисты, т.е. мыслители, искавшие Бога на чисто интеллектуальном пути. Но в обоих положениях дилеммы наша жизнь одинаково бессмысленна.

— Но даже и существования Бога мало для обретения смысла жизни: нужна ещё возможность нашего соучастия в жизни Бога. А это условие абсолютно неосуществимо в эмпирической жизни постольку, поскольку человек - часть, порождение и пленник бессмысленных слепых стихийных сил (а минимальное условие возможности достижения смысла жизни есть свобода: только будучи свободными мы можем действовать "осмысленно", стремиться к разумной цели).

— Для того, чтобы уверовать в достижимость смысла жизни, мы вроде бы вынуждены отрицать бесспорный факт пленённости и пронизанности человека силами природы. Но

как это возможно? Значит мы обречены лишь бессмысленно мечтать о неосуществимом спасении?

— Бессмысленность жизни открылась не со вчерашнего дня. Древняя мудрость утверждала её с большей ясностью, чем это доступно современному человеку, склонному опьяняться иллюзиями. И всё же человечество издавна имело религиозное сознание, верило в Бога и в возможность спасения. Что это? Непоследовательность? Боязнь сделать честный вывод из неоспоримых фактов?

— Такое суждение было бы поспешным и легкомысленным. Мы должны серьёзно вдуматься в вопрос: есть ли умозаключение от эмпирической природы мира и жизни достаточный и единственный критерий для решения вопроса о смысле жизни?

На этот вопрос мы можем ответить либо "да", либо "нет". Если "да", то Бога нет и смысла жизни нет, всё бессмысленно. Если "нет", то вопрос о смысле жизни открыт и мы должны искать другой критерий для решения вопроса о Боге (или о смысле).

Но поставив этот вопрос, мы вынуждены ответить на него отрицательно: "нет, эмпирический мир не есть критерий для решения вопроса о смысле жизни". Почему? Очень просто. Дело в том, что мы не можем удовлетвориться утверждением бессмысленности жизни помимо психологической осторожности хотя бы уже потому, что это утверждение содержит в себе внутреннее логическое противоречие. А именно, оно противоречит тому очевидному и по своей очевидности обычно незамечаемому факту, что мы понимаем и разумно утверждаем эту бессмысленность. Раз мы понимаем и разумно утверждаем её, значит не всё на свете бессмысленно; есть, по крайней мере, осмысленное познание - хотя бы познание одной лишь бессмысленности мирового бытия.

Раз мы ясно видим нашу слепоту, значит мы всё же не совсем слепы. Существо, абсолютно лишённое смысла, не могло бы сознавать свою бессмысленность. Если бы мир и жизнь были сплошным сочетанием слепых бессмысленных сил, то в них не нашлось бы существа, которое это сознавало бы и высказывало бы.

Это так же элементарно, как то, что утверждение "истины не существует" - бессмысленно, ибо противоречиво, т.к. утверждающий его считает своё утверждение истиной и тем самым сразу и признаёт, и отрицает наличие истины. Так и утверждение совершенной бессмысленности жизни само бессмысленно, ибо, будучи актом разумного познания, оно в своём собственном лице являет факт, опровергающий его содержание.

Можно возразить: но это пустой софизм, основанный на игре слов. Мы ищем "смысл жизни", а то, что отсутствие его может быть нами усмотрено, есть не "смысл", а теоретическое "сознание". Напротив, наличие сознания бессмысленности жизни усугубляет эту бессмысленность. Для чего нужно в слепом природном хаосе присутствие человеческой мысли, если она ничему не может помочь, не может спасти нас от бессмысленности жизни, а лишь обрекает нас на страдания от сознания этой бессмысленности?

В этом возражении есть доля истины. Она состоит в том, что разум, в смысле простой способности теоретического знания, конечно, не может нас спасти. Однако, найденное нами противоречие не есть парадокс, а именно противоречие. Мы на многое не претендовали, но просто выяснили, что в нашем опыте есть какая-то, пусть самая маленькая разумность (не всё бессмысленно).

Не станем же торопиться с выводами. Не будем проходить мимо самого факта наличия в нас разума. Как бы недостаточен он ни был сам по себе, он есть маленький просвет, в который мы должны теперь всмотреться.

Но это в другой раз.

Всего наилучшего, Дима.

([продолжение следует](#))

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)